

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-16-26

EDN: YMIKMZ

УДК 82.01

Научная статья / Research article

Авторское миромоделирование в жанре «святочного рассказа» Федора Сологуба

Е.Ю. Шестакова

*Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального
университета в г. Северодвинске, Северодвинск, Российская Федерация*

✉ shestackova.lena2013@yandex.ru

Аннотация. Раскрываются особенности художественного воплощения образа детства в жанре «святочного рассказа» русского писателя конца XIX – начала XX в. Федора Сологуба. Материалом стал рассказ «Рождественский мальчик». Цель исследования – выявление своеобразия авторского миромоделирования в жанре «святочного рассказа» Федора Сологуба в сопоставлении с произведениями этого жанра в творчестве Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.Г. Гарина-Михайловского. Уникальное, оригинальное восприятие и интерпретация темы детства писателем-символистом является актуальным направлением современного литературоведения. Новизна работы заключается в рассмотрении сологубовского рассказа сквозь призму миромоделирования. Полученные результаты показали, что тема чистоты, безгрешности героя-ребенка, его страданий и смерти вследствие принципиальной несовместимости с нормами земной жизни сближают рассказ Ф. Сологуба с произведениями его литературных предшественников. Сохраняются общие пространственно-временные универсалии, тема Рождества как ведущая миромоделирующая категория, тема детской смерти. Ф. Сологуб концентрирует текстовое пространство вокруг мистико-философских идей рубежа XIX–XX вв., приносит в него эстетические установки символизма.

Ключевые слова: образ ребенка, тема страданий ребенка, Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.Г. Гарин-Михайловский

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 1 октября 2023 г.; отрецензирована 15 ноября 2023 г.; принята к публикации 15 декабря 2023 г.

Для цитирования: Шестакова Е.Ю. Авторское миромоделирование в жанре «святочного рассказа» Федора Сологуба // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 16–26. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-16-26>

© Шестакова Е.Ю., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Author's world modeling in the genre of "Yuletide story" by Fyodor Sologub

Elena Yu. Shestakova

*Humanitarian Institute of the Northern (Arctic) Federal University branch in Severodvinsk,
Severodvinsk, Russian Federation*

✉ shestackova.lena2013@yandex.ru

Abstract. The features of the artistic embodiment of the image of childhood in the genre of "Yuletide story" by the Russian writer of the late 19th – early 20th centuries Fyodor Sologub are revealed. The material for the research was the story "The Christmas Boy." The purpose of the study is to identify the originality of the author's world modeling in the genre of "Yuletide story" by Fyodor Sologub in comparison with the works of this genre in the works of F.M. Dostoevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin and N.G. Garin-Mikhailovsky. The unique, original perception and interpretation of the theme of childhood by a symbolist writer is a current trend in modern literary criticism. The novelty of the work lies in the consideration of Sologubov's story through the prism of world modeling. The results obtained during the study showed that the theme of purity, sinlessness of the child hero, his suffering and death due to fundamental incompatibility with the norms of earthly life bring F. Sologub's story closer to the works of his literary predecessors. The general space-time universals, the theme of Christmas as the leading world-modeling category, and the theme of child death are preserved. F. Sologub concentrates the text space around the mystical and philosophical ideas of the turn of the 19th–20th centuries, introducing into it the aesthetic principles of symbolism.

Keywords: image of a child, theme of the child's suffering, F.M. Dostoevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin, N.G. Garin-Mikhailovsky

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted October 1, 2023; revised November 15, 2023; accepted December 15, 2023.

For citation: Shestakova, E.Yu. (2024). Author's world modeling in the genre of "Yuletide story" by Fyodor Sologub. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 16–26. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-16-26>

Введение

Тема проблемного детства, столь очевидно подхваченная и развитая в творчестве писателя конца XIX – начала XX в. Федора Сологуба (1863–1927), берет свое начало в русской художественной традиции XIX в., и прежде всего здесь стоит говорить о литературном наследии Ф.М. Достоевского. Ф.М. Достоевский «оказывается созвучным для всей литературы символизма» (Клейман, 1983, с. 11), к которой тяготел Ф. Сологуб. Это объясняется тем, что «психология Достоевского говорит о жизни духа, а не ограничивается показом лишь верхнего слоя» (Клейман, 1983, с. 11). Ф. Сологуб – «один из первых декадентов, писатель с мировоззрением двадцатого века, испытал на себе влияние Достоевского с его „трагическим мироощущением“, „интересом к глубинам человеческого духа“, „метафизическим основам существования человека“» (Клейман, 1983, с. 11).

Актуальным направлением современного литературоведения является рассмотрение художественного текста с точки зрения его миромоделирующих закономерностей. Это позволяет раскрыть своеобразие «мировоззренческой позиции автора», «его творческого стиля» (Аванесян, 2020, с. 5). Речь идет об «авторском миромоделировании», проявляющемся в «разнообразных формах творческого мышления – проблемно-тематические уровни, мотивно-сюжетные блоки, лирические ситуации, структурные элементы, арсенал изобразительно-выразительных средств» (Левина, 2022, с. 453). Художественная модель (картина) мира содержит «онтологические концепты» – «„человек“ (микрокосм бытия) и „мир“ (макркосм бытия)» (Гарипова, 2021, с. 10). Авторская миромодель строится на основе особых «протоформул» – «пространство, время и человек (персонаж)» (Ларина, 2018, с. 4).

Цель исследования – выявление своеобразия авторского миромоделирования в жанре «святочного рассказа» Федора Сологуба, в полной мере обнаруживающегося при сопоставлении с классическими произведениями XIX в., созданными в рамках данного жанра. В этом заключается новизна предпринятого исследования.

Обсуждение

Влияние Ф.М. Достоевского на творчество Ф. Сологуба отмечено многими исследователями. Об этом писали Л. Клейман (Клейман, 1983), Н.А. Дворяшина (Дворяшина, 2009). Однако тема страданий и унижений ребенка, впервые так остро заявленная в произведениях Ф.М. Достоевского, прослеживается и в творчестве других авторов XIX в. (М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.Г. Гарина-Михайловского). Поэтому применительно к прозе Ф. Сологуба о детях правомерно говорить, что писатель явился продолжателем традиций не только творчества Ф.М. Достоевского, но всей предшествующей русской литературы, посвященной проблематике «несчастливого детства». При этом остается очевидным тот факт, что у Ф. Сологуба данная тема обретает новые черты.

Жанр «святочного рассказа» оказался близок Ф. Сологубу, с появлением рассказа «Рождественский мальчик» (1907) в творчество автора входит проблематика и образно-мотивная структура русской рождественской истории, традиции которой берут начало в рассказе Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» (1875). Вместе с тем интерпретация темы Рождества и острова социальных вопросов, поставленных в рассказах «Рождественская сказка» (1869) М.Е. Салтыкова-Щедрина и «Дворец Дима» (1900) Н.Г. Гарина-Михайловского, широко подхвачены в произведении Ф. Сологуба.

В рассказах встречаются сходные пространственно-временные универсалии. Время действия всех произведений – Рождество, место происходящих событий связано с темой страданий и унижений ребенка («какой-то огромный город» и «сырой холодный» подвал у Ф.М. Достоевского; сельская местность, где в небольшом имении живет Сережа – герой «сказки» М.Е. Салтыкова-Щедрина; дома матери и отца Дима из рассказа Н.Г. Гарина-Михайловского; город и дома Пусторослева и Гриши у Ф. Сологуба). Рождество осмысливается мистическим временем, когда в жизни героев происходят важнейшие события, связанные с представлением о цели и смысле земного бытия человека, неизбежности и трагичности смерти.

Тема Рождества является ведущей миромоделирующей категорией, определяющей основной круг социальных вопросов, а также духовно-нравственной проблематики произведений. Наступившее Рождество призывает людей вспомнить о цели прихода Господа Иисуса Христа в земной мир, о данных Им заповедях, изложенных в Евангелии. О необходимости любить Бога и друг друга, составляющих «смысл человеческой Правды» (Сологуб, 1992, с. 185), говорит священник в проповеди после праздничной литургии в рассказе «Рождественская сказка» М.Е. Салтыкова-Щедрина, однако, к удивлению Сережи, в реальной жизни люди не спешат исполнять эту заповедь и не стремятся руководствоваться ею в своем отношении к ближним. Эта мысль – о неисполнении заветов Христа – является прямым продолжением темы равнодушия окружающих людей к голодному, замерзающему ребенку из рассказа Ф.М. Достоевского. Сюжет о жестокости семьи отца, не разрешающего в праздник Рождества увидеться Диму («Дворец Дима»), незаконнорожденному ребенку, со своими братьями и сестрами, развивает мотив холодного человеческого сердца, лишённого любви и милосердия, звучащего в «святочных рассказах». Общественные законы морали и нравственности в рассказе Н.Г. Гарина-Михайловского вступают в противоречие с Божественными установлениями.

Важными хронотопическими миромоделирующими компонентами в рассказе Ф. Сологуба «Рождественский мальчик» являются рождественское время и особенности пространственной организации. Однако они выполняют иные функции, нежели в произведениях писателей XIX в. На первый взгляд, сологубовский текст похож на рассказ «Мальчик у Христа на елке»: пространственный образ дома Гриши – «смрадной квартиры», полной «угрюмых, словно голодных людей» (Сологуб, 1992, с. 215), напоминает «подвал» и умирающих от голода и болезней нищих, в окружении которых проснулся в рождественское утро маленький герой Ф.М. Достоевского (Достоевский, 2005, с. 20). Мотивы нищеты («тощий, грязный, уродливый») сологубовский Гриша (Сологуб, 1992, с. 215) и дрожащий от холода, «одетый в какой-то халатик» мальчик Ф.М. Достоевского (Достоевский, 2005, с. 20) и детского сиротства («Под образами – мертвая женщина. Мальчик, сын мертвой») (Сологуб, 1992, с. 215) – «Ощупав лицо мамы, он подивился, что она совсем не двигается и стала такая же холодная, как стена») (Достоевский, 2005, с. 20) раскрываются в обоих произведениях. Однако все это свидетельствует лишь о внешнем сходстве, традиционные образы и мотивы в рассказе Ф. Сологуба получают иное содержательное наполнение. Рождественское время в сологубовском произведении не обнажает социальных проблем, в основе которых лежит отсутствие истинных духовно-нравственных устремлений общества. Оно призвано прерывать естественное, обычное течение временного потока, давая возможность героям (Грише и Пусторослеву) проходить сквозь пространство и приоткрыть «двери» в инобытие.

Место этой «тайной двери» указано автором вполне определенно: «Немного ниже и наискось того места, где в черной раме висела гравюра, Мона Лиза. Между двух стульев. Узор обоев ничем, по-видимому, не отличался. Но было какое-то странное и значительное выражение в этих зеленоватых странных

цветах. И когда Пусторослев долго всматривался в узор, ему вдруг начинало казаться, что это место на стене чем-то обведено, словно за ним скрывается тайная дверь» (Сологуб, 1992, с. 211). Образ зеленого узора обоев, связанный с семантикой гибели, ухода в иной мир, вводит в текст рассказа тему смерти.

Тема детской смерти является ценностно-смысловой доминантой сюжетного развития и идейно-художественного наполнения «святочных рассказов» русских писателей XIX в. Однако эта тема в произведениях разных авторов получает оригинальное решение. Чистая, искренняя душа десятилетнего Сережи Русланцева («Рождественская сказка») не смогла смириться с тем, что придется жить и расти в мире, утратившем Божественную Правду, блаженство взаимной любви, и, потрясенная этим открытием, уходит в мир иной. Царство Божие – единственное место, где эта Правда может существовать. Обходя вниманием тему детской нищеты, голода и сиротства, М.Е. Салтыков-Щедрин акцентирует внимание читателя на проблеме духовного несовершенства человеческого общества, ставшей причиной смерти мальчика, живущего в ситуации внешнего благополучия, материального достатка и окруженного материнской заботой. В рассказе «Дворец Дима» Н.Г. Гарина-Михайловского маленький герой не испытывает нужды в еде и теплом крове, рядом с ним всегда находится любящая мама. Однако чудовищные общественные законы, заставляющие «незаконного» ребенка чувствовать себя изгоем, недостойным бывать в «приличном» доме, вызывают сильное эмоциональное потрясение и останавливают биение нежного, ранимого детского сердца. Слуга Егор бросает упрек людям, отказавшем мальчику в любви, принятии и тем самым погубившим его: «– Не надо тебе, – назад возьмет свою душу Господь, а не пропадет же у Бога она» (Гарин-Михайловский, 1958, с. 11). Дим, как и Сережа Русланцев, уходит к Богу, не делающему исключений для тех, кто достоин или не достоин Его Любви.

Острота критических обличений в рассказе Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» фиксирует связь духовно-нравственного, социального неблагополучия общества и смерти ребенка. На взгляд писателя, виновниками нищеты, голода и гибели маленького героя, как и множества других детей, оказавшихся в подобной ситуации, становится общество, в котором мимо страдающего ребенка проходит «блюстителю порядка» и «отворачивается, чтобы не заметить», а богатые, сытые «барыни» кричат и машут, прогоняя с порога своего дома, впрочем, стыдливо «сунув в руку копеечку» (Достоевский, 2005, с. 21).

Ф. Сологуб снимает социальную и нравственную заостренность «святочного рассказа» своих литературных предшественников, концентрируя текстовое пространство вокруг мистико-философских идей, характерных для эпохи рубежа XIX–XX вв. Гриша – центральный детский образ рассказа «Рождественский мальчик» – является своеобразной связующей нитью между иным, потусторонним миром, и земной, обыденной действительностью. Впервые он приходит к главному «взрослому» герою Пусторослеву как призрак – «весь белый, тонкий и сияющий» (Сологуб, 1992, с. 214). Выразительными повторяющимися портретными деталями образа мальчика становятся «бледность» («на бледном, точно неживом лице»), хрупкость, утонченность («тонкая, длинная шея», «стройные, тонкие ноги»), белые одежды («одежда

странного покроя, вся белая»), бесплотная тишина («тихие шаги», «тихий голос», «сказал тихонько») (Сологуб, 1992, с. 209–215). Ребенок напоминает ангела, обладающего тайнами жизни и смерти (на это указывают его «черные, жутко мерцающие, страшно глубокие глаза») (Сологуб, 1992, с. 210), знакомого с загадками иного мира, недоступными обычному земному человеку, пребывающему в этой ограниченной реальности. Сравнения «словно неживой» подчеркивают надмирность ребенка, его принадлежность инобытию. Перед читателем предстает хорошо узнаваемый образ «тихого ребенка», воссозданного в романе «Творимая легенда».

Ребенок-призрак появляется в моменты, когда Пусторослева охватывает острое ощущение одиночества, собственной ненужности и оставленности, желание разделить с кем-то нерастраченную любовь. Прежде всего, герой сожалеет о том, что у него нет детей: «Захотелось безопасности, уюта, семьи. Услышать детский лепет в этой квартире, слишком большой и слишком богатой для одного, – и робкие упражнения на рояли, – и внезапный смех» (Сологуб, 1992, с. 210). Мальчик-ангел словно приходит в ответ на горький призыв отца, не имеющего сына, но страстно желающего его обрести.

Потребность Пусторослева в любви столь велика, что он вызывает к жизни мальчика-призрака, руководствуясь словами поэта-декадента Приклонского: «Мы живем среди природы, которая вся насквозь проникнута стремлением к жизни. Тысячелетия тому назад волевая энергия природы была так велика, что возникли бесчисленные разности жизни на земле. Теперь энергия природы принимает иной характер: природа стремится не только к бытию, – она стремится к тому, чтобы осознать себя. Нас окружает страстное желание не только быть, но быть самым сознательным, – быть человеком, и более, чем человеком. Те домашние, маленькие нежити, которых вы давно чувствовали вокруг себя, настойчиво стучались в двери вашего сознания. Вам надлежит теперь отдаться с доверчивостью тому приключению, которое вас ожидает. Они вас не обманут. По крайней мере, смело можно утверждать, что они не сделают с вами ничего такого, возможности чего не заложены в вас самих» (Сологуб, 1992, с. 213). Здесь «„волевая энергия природы“ соответствует Мировой Воле, основополагающей категории А. Шопенгауэра, под сильным влиянием идей которого находился Ф. Сологуб» (Магалашвили, 1997, с. 62).

Евангельский сюжет о воскрешении Господом Иисусом Христом ребенка, реализуемый в обрисовке действий Пусторослева, предстает в авторской интерпретации как вера в могущественные силы человеческого духа, способного «оживить» бестелесный призрак, придав ему земной полнокровный облик. Одновременно мальчик-ангел, желающий окружить страдающего от одиночества человека любовью, требует помочь ему стать обычным человеком. Вместе с тем писатель дает вполне реальную трактовку процесса «воскресения» маленького призрака: десятилетний мальчик Гриша, потеряв родителей и оказавшийся на грани голодной гибели, мечтает обрести дом и заботливого взрослого. Его страдающий дух, блуждая в пространстве, находит Пусторослева и «зовет» к себе, в «смрадную квартиру», чтобы быть оттуда забранным и спасенным.

До конца рассказа образ Гриши сохраняет свою двойственную природу (Дворяшина, 2009; Михайлов, 1991; Павлова, 1990; Утехин, 1991). Как реальный мальчик, чудесно спасенный в праздник Рождества Христова от голодной и холодной смерти, обретший любящего отца, он пребывает в состоянии тихой благодарности. Но, будучи воплотившимся мальчиком-ангелом, некогда жаждущим «ожить» и оказаться в земной действительности, он сожалеет о своем исполнившемся желании: «Если бы я все это дело знал, ни за что бы я не захотел быть человеком» (Сологуб, 1992, с. 217). Ангельская, чистая детская душа видит несовершенство земного мира, полного скорби и страданий. Мечтая обрести любовь и блаженство, ребенок сталкивается с жестокостью, корыстью, завистью и несправедливостью. Отметим, что образ страдающего мира воспринят Ф. Сологубом из философии А. Шопенгауэра, «в соответствии с концепцией» которого «любое существо приходит в мир, чтобы страдать» (Магалашвили, 1997, с. 62). Ощущение душевной «боли и крушения надежд отравляют жизнь» Гриши, «придают ей трагический оттенок пессимистической безысходности» (Магалашвили, 1997, с. 62).

В мальчике нарастает внутренний протест против «такого житья собачьего», где все «для того <...> на земле живут, чтобы друг друга поедом есть», «и если он насильничает, так все и терпеть без конца?» (Сологуб, 1992, с. 217). Он желает изменить окружающий мир, пожертвовав для этого собственной жизнью. С одной стороны, в Грише зреет жажда подвига, активного действия по преобразованию несовершенного мира. И в этом смысле он выступает как юный, сложившийся революционер (рассказ «Рождественский мальчик» «был написан <...> к годовщине событий Кровавого воскресенья 9 января 1905 года» (Суетина, 2009, с. 248)). Исследователь указывает, что в сологубовском тексте «политическое событие получает мифологическое, метаисторическое толкование как проявление извечной борьбы метафизических сил: Добра и Зла, Жизни и Смерти, Бога и Зверя, а в финале звучит надежда на светлое Рождество, а не на Кровавое воскресенье» (Магалашвили, 1997, с. 62).

Тема детской смерти в рассказе Ф. Сологуба «Рождественский мальчик» получает трагическое осмысление: Гриша «разочаровывается в брэнной жизни и ждет смерти как избавительницы» (Магалашвили, 1997, с. 62), намеренно выбегая под шашки скачущих казаков. Если раньше он звал Пусторослева к жизни, то теперь ведет за собой в мир инобытия: «Не стоит жить с этими злыми людьми. Не хочу быть с ними» (Сологуб, 1992, с. 220). Причем самим автором «желание смерти» воспринимается «таким же естественным стремлением, как и желание жить» (Магалашвили, 1997, с. 62). Еще одним важным мотивом в рассказе «Рождественский мальчик», смыкающимся с темой детской смерти, становится мотив мученичества ребенка, который связывает его с «мифологемой Христа, Рождественским Младенцем, Божественным Отроком» (Магалашвили, 1997, с. 62), обреченным на гибель во имя спасения людей.

Непременным атрибутом Рождества в «святочных рассказах» русских писателей становится елка. Елка является значимым миромоделирующим компонентом жанра. У Ф.М. Достоевского этот образ представлен в двух планах

(земном и небесном). Маленький герой, скитающийся в холодном равнодушном городе в поисках теплого угла и приветливого взгляда, видит праздничные торжества в окнах богатых домов: «Ух, какое большое стекло, а за стеклом комната, а в комнате дерево до потолка; это елка, а на елке сколько огней, сколько золотых бумажек и яблоков, а кругом тут же куколки, маленькие лошадки; а по комнате бегают дети, нарядные, чистенькие, смеются и играют, и едят, и пьют что-то. Вот эта девочка начала с мальчиком танцевать, какая хорошенькая девочка! Вот и музыка, сквозь стекло слышно» (Достоевский, 2005, с. 23). Елка земная недоступна для бедного мальчика, находящегося на обочине благополучной жизни, отвергнутого людьми и оставленного погибать. Однако после смерти он оказался самым желанным и дорогим гостем на «елке у Христа», собравшей всех детей, когда-то брошенных, замученных, много и сильно страдавших. Любовь Господа и посмертное блаженство после всех земных невзгод становится главным рождественским чудом в судьбе мальчика.

Герой рассказа Н.Г. Гарина-Михайловского «Дворец Дима» живет мечтой – поставить и нарядить рождественскую елку, устроив совместный праздник с братьями и сестрами. Однако мальчик оказывается лишен этой предсмертной радости, презрительно и гневно отвергнутый матерью детей: «„А братик ваш Дим умирает: попросите маму, чтоб ради праздника отпустила вас к нему“. А она как выскочит: „И как ты смеешь? <...> и пошел вон. Нет и нет, – кричит, – детки, у вас никакого братика“. – „Как нет? говорю, грех, говорю, и чужую вещь украсть да спрятать, а вы душу детскую крадете, да прячете, – Бог душу жить послал, славить Его имя велел, а вы нет!“» (Гарин-Михайловский, 1958, с. 12). Прекрасный дворец, сначала возникающий в грезах Дима, а потом перевоплощающийся в образ Царствия Небесного, куда ребенок попадает после смерти, семантически сближается с образом «елки у Христа» из рассказа Ф.М. Достоевского: страдающий ребенок получает от любящего Господа чудесный дом, окруженный садами и полями, полный света и музыки. Здесь маленький Дим обретает своих истинных братьев и сестер, родство с которыми определяется степенью их земных страданий.

Образ рождественской елки появляется и в рассказе Ф. Сологуба «Рождественский мальчик». Пусторослев организует елку специально для Гриши, созвав на нее детей из богатых и бедных семей. Он стремится преодолеть социальные и имущественные границы, создав утопическую ситуацию, при которой все дети уравниваются на празднике Рождества. Мальчик хорошо почувствовал искусственность, неестественность сложившейся обстановки и делает неутешительный вывод: «– Елка – очень хорошо. Славно. А ребяташки у вас скверные были. <...> они себя различают. Которые богатые считаются, те так свысока, а которые бедные, то такие завидующие, – и все они завидуют, и так у них на все глаза и горят. Все бы им отдать, да и то бы им мало было. Право слово, завидующие» (Сологуб, 1992, с. 216). По сути, для Гриши становится очевидной невозможность в земном пространстве организовать праздник, где все приходят, как к Господу, и объединяются в любви Христовой. С этого момента стремление мальчика уйти от действительно-

сти, вызывающей лишь отвращение, усиливается. Образ посмертного существования героя в сологубовском рассказе остается неясным. Слова Гриши («я пойду с ними, и ты пойдешь со мною, в новый мир, через эту дверь, темную, но верную») (Сологуб, 1992, с. 220) свидетельствуют о том, что загробная жизнь души для земного человека является вечной тайной.

Заключение

Осмысление специфики авторского миромоделирования в жанре «святочного рассказа» Федора Сологуба оказалось возможным при сопоставлении с произведениями этого жанра в творчестве Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.Г. Гарина-Михайловского и позволяет утверждать, что писателю-символисту близка тема страданий и унижений ребенка и в ее решении он продолжает гуманистические традиции своих предшественников. В фокусе внимания Ф. Сологуба оказывается образ страдающего ребенка, утвердившийся в русской литературе предшествующего периода. Маленькие герои русских рождественских историй предстают носителями «правды Божией» на земле. Их духовная чистота и безгрешность вступают в острое противоречие с законами человеческого общества. Несовместимость духовно-нравственных представлений становится причиной смерти детей, осмысляемой как уход в лучший мир, наполненный любовью Бога. Однако общая с русскими литературными представлениями XIX в. ценностно-смысловая система в творчестве Ф. Сологуба организована в свете иных философско-эстетических установок. Писатель обогащает тему детства и жанр «святочного рассказа» находками символистско-декадентского искусства, включая в их раскрытие идеи А. Шопенгауэра о Мировой Воле и неизбежности страданий, принцип двоемирия и амбивалентности ребенка, представление о близости маленького героя ирреальному, инобытийному миру и обладании им тайнами нездешней реальности.

Список литературы

- Аванесян И.Б.* Художественная модель мира в произведениях отечественных писателей конца XX – начала XXI вв. в парадигме христианской духовности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2020. 20 с.
- Гарин-Михайловский Н.Г.* Собрание сочинений: в 5 томах. Том 4. Очерки и рассказы, 1895–1906. М.: Художественная литература, 1958. 724 с.
- Гарипова Г.Т.* Принципы миромоделирования в русской прозе XX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владимир, 2021. 42 с.
- Дворяшина Н.А.* Феномен детства в творчестве русских символистов: Ф. Сологуб, З. Гиппиус, К. Бальмонт: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Сургут, 2009. 49 с.
- Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. СПб.: Азбука-классика, 2005. 462 с.
- Клейман Л.* Ранняя проза Федора Сологуба. Л.: Эрмитаж, 1983. 193 с.
- Ларина Н.А.* Миромоделирующие универсалии в малой прозе Леонида Андреева и Валерия Брюсова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018. 38 с.
- Левина Н.Н.* Специфика художественного миромоделирования в поэзии Н. Циликина // Вестник угрюдения. 2022. Т. 12. № 3. С. 453–462. <http://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-453-462>

- Магалашвили А.Р. Рождественские мотивы в новеллах Ф. Сологуба // Культура и текст. 1997. № 2. С. 62–65.
- Михайлов А.И. Два мира Федора Сологуба // Творимая легенда / Ф. Сологуб. М.: Современник, 1991. С. 5–14.
- Павлова М.М. Между светом и тенью // Тяжелые сны: роман. Рассказы / Ф. Сологуб. Л.: Художественная литература, 1990. С. 3–16.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Сказки. Л.: Наука, 1988. 279 с.
- Сологуб Ф. Капли крови. Избранная проза. М.: Центурион, Интерпракс, 1992. 448 с.
- Суетина А.И. Трансформация жанра сказки в творчестве Ф. Сологуба // Дергачевские чтения – 2008 // Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Международной научной конференции. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. Т. 2. С. 244–249.
- Утехин Н.П. Альдонса и Дульцинея Ф. Сологуба // Тяжелые сны / Ф. Сологуб. М.: Советская Россия, 1991. С. 3–24.

References

- Avanesyan, I.B. (2020). *The artistic model of the world in the works of domestic writers of the late 20th – early 21st centuries. in the paradigm of Christian spirituality*. [Unpublished Unpublished PhD dissertation]. Stavropol'. (In Russ.)
- Dostoevskii, F.M. (2005). *Writer's diary*. St. Petersburg: Azbuka-Klassika Publ. (In Russ.)
- Dvoryashina, N.A. (2009). *The phenomenon of childhood in the works of Russian symbolists: F. Sologub, Z. Gippius, K. Balmont*. [Unpublished doctoral dissertation]. Surgut. (In Russ.)
- Garin-Mikhailovskii, N.G. (1958). *Collected works. Vol. 4. Essays and stories, 1895–1906*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russ.)
- Garipova, G.T. (2021). *Principles of world modeling in Russian prose of the 20th century*. [Unpublished doctoral dissertation]. Vladimir. (In Russ.)
- Kleiman, L. (1983). *Early prose of Fyodor Sologub*. Leningrad: Ermitazh Publ. (In Russ.)
- Larina, N.A. (2018). *World-modeling universals in the short prose of Leonid Andreev and Valery Bryusov*. [Unpublished doctoral dissertation]. Moscow. (In Russ.)
- Levina, N.N. (2022). Specifics of artistic world modeling in the poetry of N. Tsilikin. *Vestnik Ugrovedeniya*, 12(3), 453–462. (In Russ.) <http://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-453-462>
- Magalashvili, A.R. (1997). Christmas motifs in the short stories of F. Sologub. *Kul'tura i Tekst*, (2), 62–65. (In Russ.)
- Mikhailov, A.I. (1991). Two worlds of Fedor Sologub. In F. Sologub, *A Legend in the Making* (pp. 5–14). Moscow: Sovremennik Publ. (In Russ.)
- Pavlova, M.M. (1990). Between light and shadow. In F. Sologub, *Heavy Dreams: A Novel. Stories* (pp. 3–16). Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura Publ. (In Russ.)
- Saltykov-Shchedrin, M.E. (1988). *Fairy tales*. Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- Sologub, F. (1992). *Drops of blood. Selected prose*. Moscow: Tsenturion Publ., Interpraks Publ. (In Russ.)
- Suetina, A.I. (2009). Transformation of the fairy tale genre in the works of F. Sologub. *Dergachev Readings – 2008. Russian Literature: National Development and Regional Characteristics. The Problem of Genre Nominations: Materials of the IX International Scientific Conference* (vol. 2, pp. 244–249). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta Publ. (In Russ.)
- Utekhin, N.P. (1991). Aldons and Dulcinea of F. Sologub. In F. Sologub, *Heavy Dreams* (pp. 3–24). Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Шестакова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка, Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета в г. Северодвинске, Российская Федерация, 164500, Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6. ORCID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Bio note:

Elena Yu. Shestakova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Russian Language, Humanitarian Institute of the Northern (Arctic) Federal University branch in Severodvinsk, 6 Kapitana Voronina St, Severodvinsk, 1654500, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru